

Житие святителю Димитрию, митрополиту Ростовскому, чудотворцу

Краткое житие святителя

Димитрия Ростовского

Святитель Димитрий, митрополит Ростовский (в миру Даниил Саввич Туптало), родился в декабре 1651 года в местечке Макарово, недалеко от Киева, в благочестивой семье и вырос глубоко верующим христианином. В 1662 году, вскоре после переезда родителей в Киев, Даниил был отдан в Киево-Могилянскую коллегию, где впервые раскрылись дарования и незаурядные способности талантливого юноши. Он успешно изучил греческий и латинский языки и ряд классических наук. 9 июля 1668 года Даниил принял монашество с именем Димитрий – в честь великомученика Димитрия Солунского. До весны 1675 года он проходил иноческое послушание в Киевском Кирилловом монастыре, где началась его литературная и проповедническая деятельность. Черниговский архиепископ Лазарь (Баранович) рукоположил Димитрия 23 мая 1675 года

во иеромонаха. В течение нескольких лет иеромонах Димитрий подвизался, проповедуя слово Божие, в различных монастырях и храмах Украины, Литвы и Белоруссии. Некоторое время он был игуменом Максимовской обители, а затем Батуринаского Никольского монастыря, откуда в 1684 году был вызван в Киево-Печерскую Лавру. Настоятель Лавры архимандрит Варлаам (Ясинский), зная высокую духовную настроенность своего бывшего ученика, его образованность, склонность к научному труду, а также несомненное литературное дарование, поручил иеромонаху Димитрию составление Четиих-Миней (житий святых) на весь год. С того времени вся дальнейшая жизнь святителя Димитрия была посвящена выполнению этого подвижнического, грандиозного по своим масштабам труда. Работа требовала огромного напряжения сил, нужно было собрать и проанализировать множество разрозненных источников и изложить их языком, достойным высокого предмета изложения и одновременно доступным всем верующим. Божественная помощь не оставляла святителя на протяжении его двадцатилетнего труда. По свидетельству преподобного, душа его наполнилась образами святых, которые укрепляли его дух и тело, вселяли веру в благополучное завершение его благородного труда. Одновременно с этим преподобный Димитрий был настоятелем

нескольких монастырей (поочередно). Труды подвижника обратили на себя внимание патриарха Адриана. В 1701 году указом Петра I архимандрит Димитрий был вызван в Москву, где 23 марта в Успенском соборе Кремля был хиротонисан на Сибирскую митрополичью кафедру в город Тобольск. Но через некоторое время из-за важности научного труда и слабого здоровья святитель получил новое назначение в Ростов-Ярославский, куда прибыл 1 марта 1702 года в качестве митрополита Ростовского.

Как и прежде, он продолжал неусыпно заботиться об укреплении единства Русской Православной Церкви, ослабленного старообрядческим расколом.

В его вдохновенных трудах и проповедях многие поколения русских богословов черпают духовные силы для творчества и молитвы. Для всех православных христиан он остается примером святой, аскетической, нестяжательной жизни. По его кончине, последовавшей 28 октября 1709 года, у него не нашли никакого имущества, кроме книг и рукописей.

Причисление святителя Димитрия, митрополита Ростовского, к лику святых совершилось 22 апреля 1757 года. Празднество ему установлено также 21 сентября, в день обретения мощей.

Святитель Димитрий, митрополит Ростовский, прибыв в 1702 году на Ростовскую кафедру, прежде всего посетил монастырь святителя Иакова, епископа Ростовского (память 27 ноября и 23 мая). В соборной церкви в честь Зачатия Пресвятой Богородицы он совершил литургию, после которой при всех присутствовавших в храме определил на правой стороне место своего будущего погребения со словами: "Се покой мой, zde вселюся в век века". Преставился святитель Димитрий 28 октября 1709 года. Несмотря на желание святителя, выраженное в завещании, духовенство и жители Ростова просили прибывшего для погребения местоблюстителя патриаршего престола Рязанского митрополита Стефана Яворского совершить погребение в соборном храме города, рядом с предшественником святителя Димитрия, святителем Иоасафом. Митрополит Стефан, соблюдая завещание своего почившего друга, настоял на погребении тела святителя Димитрия в указанном месте. Однако до прибытия митрополита Стефана место погребения приготовлено не было, хотя со дня кончины прошло около месяца. В связи с неотложным отъездом митрополита Стефана из Ростова в выкопанной могиле был сделан наскоро заготовленный деревянный сруб, в котором 25 ноября было погребено тело святителя. Это обстоятельство, предусмотренное Промыслом Божиим, привело

к скорому обретению мощей. В 1752 году производился ремонт в соборной церкви монастыря, и 21 сентября при починке опустившегося пола было обнаружено нетленное тело святителя Димитрия. Место погребения оказалось сырým, дубовый гроб и находившиеся в нем рукописи истлели, но тело святителя, а также омофор, саккос, митра и шелковые четки сохранились нетленными. После обретения у святых мощей совершалось множество исцелений, о чем было донесено Синоду, по предписанию которого в Ростов прибыли Суздальский митрополит Сильвестр и Симоновский архимандрит Гавриил для освидетельствования мощей святителя Димитрия и происшедших чудесных исцелений. Последовал указ Синода от 29 апреля 1757 года о причислении к лику святых святителя Димитрия, митрополита Ростовского и установлении празднования 28 октября (день преставления) и 21 сентября (день обретения мощей).

Полное житие святителя Димитрия Ростовского

Первые подвиги святого Димитрия

В пределах Киевских, в небольшом местечке Макаров, родился в декабре 1651 года будущий святитель Димитрий (в миру Даниил) от не знаменитых, но благочестивых родителей: сотника

Саввы Григорьевича Тупталы и супруги его Марии. Сам он изобразил в своих записках, которые вел в течение почти всей жизни, блаженную кончину своей матери, и похвала такого сына есть лучшее свидетельство ее добродетели. Отец его, из простых казаков, дослужившись до звания сотника у гетмана Дорошенко, при смутных обстоятельствах того времени, в поздние годы бодро нес бремя воинской службы и скончался свыше ста лет в Киеве, куда переселился с семейством. Последние дни посвятил он служению Церкви в должности ктитора Кирилловской обители, где постригся впоследствии его сын и где сам возлег на вечный покой подле своей супруги. Более о них ничего неизвестно; но довольно и той славы для благочестивой четы сей, что она могла посреди своего убожества возрастить такого светильника для Церкви, приучив его, еще в домашней жизни, к подвигам добродетели.

Наученный грамоте в доме родительском, отрок Даниил поступил для высшего образования в Братское училище при Богоявленской церкви в Киеве, что ныне обращена в обитель Академическую, это был единственный рассадник воспитания духовного для юношества, насажденный или, лучше сказать, расширенный ревностным митрополитом [Петром Могилою](#) для противодействия козням латинским: отличные способности

отрока обратили на него внимание наставников, и он показал быстрые успехи свыше всех своих сверстников, но еще более отличался своим благочестием и скромным нравом, которые удаляли его от всяких увеселений, свойственных его возрасту. Не далее, однако, осьмнадцатилетнего возраста мог он пользоваться благодетельным учением Братской обители; среди бедственных обстоятельств того времени, при кровопролитной войне России с заднепровскими казаками, Киев переходил из рук в руки, и самое училище было закрыто, когда держава Польская временно возобладала колыбелью нашей веры; восемь лет оставалось оно в таком запустении. Тогда последовал юноша Даниил раннему влечению своего сердца и, три года спустя после выхода из училища, проникнутый чтением отеческих книг, постригся в монашество в родственной ему обители Кирилловской; он принял имя Димитрия, которое прославил в земле Русской. Понятно избрание им сей обители, ибо тут был ктитором старец отец его, а настоятелем – бывший ректор Братского училища, просвещенный Мелетий Дзик.

Отсюда, хотя и в юные еще годы, начинается уже ряд подвигов Димитриевых на поприще церковном и богословском, на котором просиял он, как один из древних учителей Церкви Все-

ленской, напомнив нам светлый лик [Василиев](#), [Григориев](#) и [Златоустов](#). Несмотря на его молодость, ради высокой добродетели и труженической жизни, игумен Мелетий просил нареченного митрополита Киевского, Иосифа Тукальского (который, не будучи допущен до своей епархии, имел пребывание в Каневе), посвятить нового инока в иеродиакона. Через шесть лет сделался известен Димитрий и настоящему блюстителю митрополии Киевской, Лазарю Барановичу, архиепископу Черниговскому, мужу высокой добродетели и учености, который сам был воспитанником и ректором Киевской академии и почитался великим столпом Церкви и ревнителем православия в Малороссии. Архиепископ вызвал Димитрия, достигшего только двадцатипятилетнего возраста, в Густынский Троицкий монастырь, где сам находился по случаю освящения храма, и там рукоположил его в иеромонаха; это было в 1675 году. Узнав же ближе внутреннее достоинство новопоставленного, взял его с собою в епархию, где имел нужду в проповедниках слова Божия и состязателях с латинами, которые усиливались подавить православие в южной России.

Ревностный пастырь старался возбудить людей просвещенных к противодействию козням римским, он вызвал для этого из Литвы бывшего

ректора Киевской академии Иоанникия Голятовского и покровительствовал ученому иностранцу Адаму Зерникаву, который, будучи протестантом, обратился к православию единственно силою истины; сей Зерникав написал обширную книгу о исхождении Духа Святого от единого Отца, в которой, вопреки мнений латинских, собраны были все возможные свидетельства древних учителей Церкви. С такими учеными людьми вошел в сообщество Димитрий, дополняя их познаниями недостаток собственных, так как обстоятельства времени не позволяли ему окончить полного курса богословских наук в училище Братском. В продолжение двух лет занимал он должность проповедника при кафедре Черниговской и столько же старался назидать красноречивым словом, сколько благим своим примером. Знаменательный сон, виденный им около сего времени и записанный в его дневнике, показывает, до какой степени церковный проповедник был строг к самому себе: «Однажды в Великий пост, в 1676 году, в неделю Крестопоклонную, вышедши от утренни и приготовляясь к служению в соборе (ибо и сам преосвященный хотел служить), я задремал несколько сном тонким. Во сне показалось мне, будто стою в алтаре перед престолом: преосвященный архиерей сидит в креслах, а мы все около престола, готовясь к служению, нечто читаем. Вдруг вла-

дыка на меня прогневался и начал сильно мне выговаривать; слова его (я хорошо их помню) были таковы: «Не я ли тебя выбрал, не я ли тебе нарек имя? оставил брата Павла диакона и прочих приходящих, а тебя выбрал?» Во гневе своем он произнес и другие слова, для меня полезные, которых, однако, не помню; ни сии хорошо мне памятливы. Я низко кланялся преосвященному и, обещаясь исправиться (чего, однако же, и поныне не делаю), просил прощения – и удостоился оно. Простив меня, он дозволил мне поцеловать его руку и начал ласково со мною говорить, повелевая мне готовиться к служению. Тогда опять стал я на своем месте, разогнул служебник, но и в нем тотчас нашел те же самые слова, какими преосвященный делал мне выговор, написанные большими буквами: «Не я ли тебя избрал?» и прочее, как прежде сказано. С великим ужасом и удивлением читал я в то время сии слова, и доныне помню их твердо. Пробудясь от сна, я много удивлялся виденному и доселе, при воспоминании, удивляюсь и думаю, что в оном видении, чрез особу преосвященного архиепископа, меня вразумлял сам Создатель мой. При этом я спрашивал и о Павле: не было ли когда такого диакона? Ни не мог найти его нигде, ни в Чернигове, ни в Киеве, ни по другим монастырям, и доныне не знаю: был ли или есть ли теперь где в моем отечестве Павел диакон? Бог

знает, что значит Павел диакон? О Господи мой! устрой о мне вещь по Твоему благому и премило-сердному изволению на спасение души моей грешной».

Молва о новом витии церковном распространилась по Малороссии и Литве; различные обители одна за другой старались воспользоваться его духовным назиданием, которое привлекало к ним толпы народные и утверждало колебавшееся в тех краях православие. Движимый благочестивым усердием, Димитрий прежде всего отправился из Чернигова в Новодворский монастырь, подведомственный Виленскому Святого Духа, в пределах Литовских, для поклонения чудотворной иконе Богоматери, писанной святителем [Петром](#) митрополитом. Он был там радушно принят наместником митрополии, епископом Белорусским Феодосием и настоятелем Святодуховского монастыря Климентом Троицким. Последний пригласил его на краткое время в свою обитель Виленскую, а епископ Феодосий – в Слуцк, где назначил ему местопребыванием свой Преображенский монастырь; там, пользуясь особенным расположением братства и ктитора монастырского, благодетельного гражданина Скочкевича, Димитрий более года проповедовал слово Божие, до кончины своих благодетелей епископа и ктитора; но в продолжении сего вре-

мени странствовал и по окрестным обителям для поклонения святыне; нам осталось его описание чудес Ильинской иконы Богоматери, что в Чернигове, под именем «Руна орошенного».

Между тем Киев и Чернигов требовали к себе обратно проповедника, удерживаемого в Слуцке, ибо так велика была к нему общая любовь. Настоятель Кирилловского монастыря Мелетий, переведенный в Михайловский-Златоверхий, приглашал к себе своего ученика и постриженника; гетман Малороссии Самойлович предлагал ему у себя в Батурине место проповедника.

Обет послушания иноческого побуждал Димитрия идти на зов старца игумена, но братия Слуцкая не отпускала его, обещая принять на себя всю ответственность, и Мелетий на время согласился, прислав даже от себя в благословение проповеднику частицу мощей святой великомученицы Варвары. Когда же, однако, по смерти благодетелей его, сделались настоятельны требования из Киева и Батурина, Димитрий должен был повиноваться и предпочел город гетманский, потому что Киев находился тогда под страхом нашествия татарского: бывший гетман Юрий Хмельницкий накликнул турок на свою родину, и вся Заднепровская Украина трепетала его опустошений; даже настоятель Лавры Печер-

ской просил на время переселиться с братией в иное, более безопасное место. Милостиво был принят Димитрий гетманом Самойловичем, который сам, исходя из звания духовного, отличался благочестием; он указал ему для жительства Николаевский монастырь близ Батурина, где в то время был настоятелем ученый Феодосий Гугуревич, занявший впоследствии должность ректора в Киевской академии.

Из Слуцка был приглашаем Димитрий в различные обители для проповеди Слова Божия; из Батурина же – для единовременного ими управления. Братия Кирилловской обители прислала нарочного просить бывшего своего постриженника к себе в настоятели, но безуспешно: сам ли отказался он по смирению или не отпустил его гетман. Успешнее было приглашение Максаковской обители, что близ города Борзны; Димитрий отправился с письмом гетмана в Чернигов за благословением к архиепископу Лазарю и был принят весьма милостиво, как сам описывает в дневнике своем. Еще не читая письма, сказал архиерей: «Да благословит вас Господь Бог на игуменство; но по имени Димитрия желаю вам митры, Димитрий да получит митру». В тот же день после посвящения, будучи приглашен к столу, услышал еще более знаменательные речи от своего владыки: «Сего дня сподобил вас Гос-

подъ Бог игуменства в монастыре, где храм Преображения Господня, яко Моисея на Фаворе. Сказавый пути Своя Моисеови, да скажет и вам на сем Фаворе пути Свои к вечному Фавору». «Слова сии, – присовокупляет Димитрий, – принял я, грешный, за хорошее предзнаменование и заметил для себя; дай, Боже, чтобы сбылось пророчество архипастырское! Он отпустил меня как отец родного сына: подай ему, Господь, все благое по сердцу».

Недолго, однако, игуменствовал святой Димитрий в обители Максаковской; на следующий год был он, по желанию гетмана, переведен в Батуринский монастырь на место Феодосия, взятого в Киев, но вскоре отказался от сей должности по любви своей к занятиям ученым. Вспоминая по случаю смерти одного из своих собратий Кирилловских, скончавшегося в Чернигове, о собственных странствиях из монастыря в монастырь Димитрий заметил в дневнике своем: «Бог знает, где и мне суждено положить свою голову!» Мог ли он ожидать когда-нибудь, что из родной Малороссии будет вызван на святительскую кафедру чуждого ему Севера? В день своего Ангела сложил с себя бремя игуменское смиренный Димитрий, оставаясь, однако, в обители, ибо не боялся покоряться чужой воле по любви своей к послушанию. Между тем скончался архиманд-

рит лавры Печерской Иннокентий Гизель и на место его поставлен не менее просвещенный Варлаам Ясинский; он предложил бывшему игумену переселиться в лавру для ученых занятий, и это переселение составило эпоху в его жизни, ибо промыслу Божию угодно было призвать Дмитрия на дело двадцатилетних трудов, которым он оказал незабвенную услугу всей Церкви Российской.

Ученые занятия святого Димитрия

Давно уже чувствовали у нас необходимость собрать для назидания верующих жития святых, прославивших Господа своими подвигами; митрополит Всероссийский Макарий предпринял душеполезный труд сей, соединив в своих великих Четвях-Минях все жития, какие мог только обрести в прологах и патериках наших, и дополнил их собственными жизнеописаниями. Просвещенный митрополит Киевский Петр Могила, побужденный столь благим примером, возымел намерение издать жития на более доступном языке славянорусском и выписал для нового перевода с Горы Афонской греческие книги [Симеона Метафраста](#), который наиболее потрудился над житиями святых в X веке; но ранняя кончина воспрепятствовала ревностному пастырю киевскому привести в исполнение благое наме-

рение, и последовавшее за тем тяжкое время для Киева надолго его отсрочило. Однако преемник его, архимандрит Лавры Печерской Иннокентий Гизель испросил с той же целью у патриарха Московского Иоакима великие Четыи Минеи митрополита Макария и также скончался, не коснувшись дела. Варлаам Ясинский решился продолжать начатое, искал для себя человека уединенного и способного исполнить многообразный труд. Никого не мог он избрать лучше игумена Батурина, с общего совета братии Печерской, и через несколько недель после своего переселения в Лавру, в июне месяце 1684 года, Димитрий приступил к описанию житий святых; с тех пор это сделалось постоянным делом всей его жизни, которое усердно продолжал и в келье иноческой, и в сане настоятельском, и на кафедре святительской, ибо душа его пламенно возлюбила угодников Божиих, коих память хотел прославить. Они сами открывались ему в таинственных сновидениях, свидетельствуя там собственную его близость к миру духовному, так как мысль его была исполнена образами святых, им описываемых; это еще более ободряло его к продолжению начатого труда. Вот как он сам описывает в дневнике своем два утешительных сновидения, коих удостоился в течение трех месяцев. «Августа десятого 1685 г., в понедельник услышал я благовест к заутрени, но, по обыкно-

венному моему ленивству разоспавшись, не поспел к началу, а проспал даже до чтения Псалтыри. В сие время видел следующее видение: казалось, будто поручена была мне в смотрение некоторая пещера, в коей почивали святые мощи. Осматривая со свечою гробы святых, увидел там же яко бы ночевавшую святую великомученицу Варвару. Приступив к ее гробу, узрел ее лежащую боком и гроб ее, являющий некоторую гнилость. Желая оную очистить, вынул мощи ее из раки и положил на другом месте. Очистив раку, приступил к мощам ее и взял оные руками для вложения в раку, но вдруг узрел в живых Варвару святую. Вещающему мне к ней: «Святая дево Варваро, благодетельнице моя! Умоли Бога о грехах моих!» Ответствовала святая, буди бы имея сомнение некое: «Не ведаю, – рекла, – умолю ли, ибо молишия по-римски». (Думаю, что сие мне сказано для того, что я весьма ленив к молитве и уподобился в сем случае римлянам, у коих весьма краткое молитвословие, так, как у меня краткая и редкая молитва). Слова сии услышав от святой, начал я тужить и якобы отчаиваться, но она, спустя мало времени, воззрела на меня с веселым и осклабленным лицом и рекла: «Не бойся», – и иные некоторые утешительные произнесла слова, коих и не вспомню. Потом, вложив в раку, облобызал ее руки и ноги; казалось, тело живое и весьма белое, но рука

убогая и обветшала. Сожалая о том, что нечистыми и скверными руками и устами дерзаю касаться святых мощей и что не вижу хорошей раки, размышляя, как бы украсить сей гроб? И начал искать новой богатейшей раки, в которую бы переложить святые мощи: но в том самом мгновении проснулся. Жалея о пробуждении моем, почувствовало сердце мое некоторую радость». Заклучая этот рассказ, святой Димитрий смиренно замечает: «Бог ведает, что сей сон знаменует и какво иное событие воспоследует! О, когда бы молитвами святой Варвары дал мне Бог исправление злого и окаянного жития моего!» А через несколько лет святой Димитрий имел утешение действительно воздать честь мощам святой великомученицы. Будучи в то время игуменом Батуринским, он узнал, что часть этих мощей хранится в казне гетманской между прочими сокровищами как бы под спудом и мало кому известна. Она находилась здесь по следующим обстоятельствам: еще в 1651 году гетман литовский Януш Радзивил по взятии Киева испросил себе две части мощей великомученицы, почивающих в Михайловском монастыре. Одну из этих частей, от ребер святой Варвары, он отослал в дар Виленскому епископу Георгию Тишкевичу, другую, от персей ее, подарил жене своей Марии, по смерти которой она досталась митрополиту Киевскому Иосифу Тукальскому и по-

ложена им в городе Каневе, его обыкновенном местопребывании. Отсюда по смерти Тукальского она взята была в Батурическую казенную палату. Своими усиленными просьбами святой Димитрий получил дозволение от гетмана перевести сию святыню в свой Батурицкий монастырь и с торжественным ходом перенес 15 января 1691 года, во вторник, а в память перенесения установил в своем монастыре каждый вторник совершать молебное пение великомученице.

Другое сновидение было еще поразительнее. «В 1685 году, – пишет Димитрий, – в Филиппов пост, в одну ночь окончив письмом страдания святого мученика Ореста, которого память 10 ноября почитается, за час или меньше до заутрени, лег я отдохнуть не раздеваясь и в сонном видении узрел святого мученика Ореста, с ликом веселым ко мне вешающего сими словами: «Я больше претерпел за Христа мук, нежели ты написал». Сие рек, открыл мне перси свои и показал в левом боку великую рану, насквозь во внутренность проходящую, сказав: «Сие мне железом прожжено». Потом открыл правую по локоть руку, показав рану на самом противу локтя месте, и рек: «Сие мне перерезано»; причем видны были перерезанные жилы. Также и левую руку открывши, на таком же месте, такую же ука-

зав рану, сказав: «И то мне перерезано». Потом, наклонясь, открыл ногу и показал на стиб колена рану, также и другую ногу, до колена открывши, такую же рану на таком же месте показал и рек: «А сие мне косою рассечено». И став прямо, взирая мне в лицо, рек: «Видишь ли? больше я за Христа претерпел, нежели ты написал». Я противу сего ничтоже смея сказать, молчал и мыслил в себе: «Кто сей есть Орест, не из числа ли пяточисленных (13 декабря)?» На сию мою мысль святой мученик ответствовал: «Не тот я Орест, иже от пяточисленных, но тот, его же ты ныне житие написал». Видел и другого некоего человека важного, за ним стоявшего, и казалось мне, также некий мученик был, но тот ничтоже изрек. В то самое время учиненный к заутрене благовест пробудил меня, и я жалел, что сие весьма приятное видение скоро окончилось. А что сие видение, – прибавляет святой Димитрий, – записав его спустя более трех лет, я, недостойный и грешный, истинно видал и что точно так видал, как написал, а не иначе, сие под клятвою моею священническою исповедую: ибо все иное, как тогда совершенно памятовал, так и теперь помню».

Из этого можно видеть, как успешно подвигался труд его, ибо через полтора года доведен был уже до 10 ноября. Ему благоприятствовала со-

вершенная свобода от посторонних занятий, но он недолго мог пользоваться ею по особенной к нему любви светского и духовного начальства; опять возложили на него бремя правления, от которого так недавно отказался. Димитрий вместе с архимандритом Варлаамом поехал в Батурин приветствовать нового митрополита Киевского Гедеона из рода князей Святополков-Четвертинских, который возвращался из Москвы, где был посвящен патриархом Иоакимом: это было первое подчинение митрополии Киевской патриаршему престолу Московскому. Гетман и митрополит убедили святого игумена принять на себя опять настоятельство обители Николаевской, и повиновался им любитель послушания. Подчинение Киевской митрополии имело влияние и на будущую его участь, потому что, как деятельный член и опытный богослов Малороссийской Церкви, он принимал живое участие в духовных вопросах того времени и по стечению обстоятельств сам был мало-помалу привлечен с родного юга на север. Первый важный вопрос представился: о времени пресуществления Святых Даров на литургии, ибо некоторые выходцы западные старались объяснить это по обычаю латинскому, то есть будто пресуществление совершается словами Господа Иисуса: «Примите, ядите и пейте от нея все», а не призыванием Духа Святого на подлежащие дары и благослове-

нием их после сих знаменательных слов. Патриарх Иоаким, смущенный новыми толками и зная, что присоединенная Малороссия долго находилась под влиянием польским, почел нужным спросить митрополита Гедеона: «Как разумеет Малороссийская Церковь Собор Флорентийский?» Он получил удовлетворительный ответ от лица всего духовенства той страны, в числе коего и благочестивый игумен Батурицкий приложил свою руку. Впоследствии патриарх написал пространное послание о времени пресуществования и с успехом опроверг латинские мудрования, которые отчасти проникли и в Малороссию.

Это послужило началом прямых сношений святого Димитрия с патриархом Московским. Будучи принужден возвратить, по его требованию, великие Четыи Минеи за три зимние месяца, которые находились в его руках для сличения с новыми, он написал послание святейшему Иоакиму, исполненное глубочайшим чувством смирения. «Пред святительство ваше, отца и архипастыря нашего, и аз овча пажити твоея, аще и последний, и немало же знаемый, сим худым писанием моим (понеже сам собою не возмогох) прихожду и к стопам святых твоих ног припадаю, да сподоблюся у святейшего ми Архипастыря знаемый и глашаемый быти по имени... Святительство ваше, к их Царского и пресветло-

го Величества богомольцу, а своему в Духе Святом сыну, преосвященному в Бозе Кир Гедеону Святополку, Князю Четвертинскому, Митрополиту Киевскому, Галицкому и Малья России, а прежде ко преподобнейшему Варлааму Архимандриту Печерскому, изволил писати о тех книгах (Четъих Минеях на Декабрь, Генварь и Февраль). Обаче те книги ни у него, преосвященного Митрополита, ни у преподобного Архимандрита, но в монастыре Батурином, в моих недостойных руках, доселе бяху держимы и со вниманием чтомы. От них же многую приемши пользу и согласившеся со Святыми житиями, в них написанными, отдаю оныя святыни вашей со благодарением и извествую: яко в послушании святом, от Малороссийской Церкви мне врученном, с Божиею помощю потрудившися, по силе моей, в немощи совершающейся, преписуюци от великих блаженного Макария, Митрополита Московского и всея России, книг и от оных Христианских историков, написал житий Святых месяцев шесть, начав от Сентемврия первого числа до Февраля последнего числа, согласующиеся со святыми теми великими книгами во всех историях и повестях и деяниях, Святыми содеянных, в подвизах их и страданиях. И уже написанные тыи Святых жития чтомы бяху по большей части и рассуждаемы от некоторых благородных людей, а наиболее во святой Лавре

Печерстей. Ныне же належащу многих благово-
лению и желанию хотел бы, к душевной Христи-
анам пользе, типом издать, к чесому наипаче
возбуждаем есмь, частыми писании от препо-
добнейшего Архимандрита Печерского. На тако-
вое убо дело, Церкви Божией (яко же мню) не
непотребное, вашего верховнейшего Архипас-
тырского ищю благословения. Да тем вашим Ар-
хипастырским благословением управляемый, на-
ставляемый и пособствуемый, возмогу предле-
жаще ми дело добро совершити, рассуждению
церковному вдаю и типом издаю оныя шесть на-
писанные месяцы; яже, егда Божею помощью и
благословением вашим Архипастырским, совер-
шатся и издадутся, то (аще Господь восхощет и
живы будем) и на прочие простремся, и вашему
святейшему челом бити станем о других святых
книгах».

Так как из Москвы не было прямого требования
на рассмотрение этих новосоставленных Миней,
ни запрещения их печатать, то в 1689 году Лав-
ра Печерская приступила к изданию их в свет,
начиная с сентябрьской четверти. Архимандрит
Варлаам предоставил себе, вместе с соборной
братией, окончательное рассмотрение этих книг
и этим навлек на себя неудовольствие патриар-
ха, который это принял за явный знак непослу-
шания. Немедленно отправил он обличительную

против него грамоту, в которой горячо вступался за иерархические права свои и доказывал необходимость послушания. Строгий блюститель православия, он заметил Лаврским издателям некоторые недосмотры, вкравшиеся в книгу оттого, что не прислали ее предварительно на рассмотрение архипастырское, и велел перепечатать погрешительные листы и остановить продажу не проданных еще экземпляров, с тем чтобы требовать впредь разрешения патриаршего на имеющее продолжаться издание. Однако сам благочестивый составитель Миней не подвергся гневу святительному и даже в это время имел случай лично принять благословение от патриарха Иоакима и слышать из уст его одобрение на продолжение столь полезного труда.

Главнокомандующий русских войск князь Голицын послал гетмана Мазепу в Москву с донесением об успешном окончании своего похода против турок; вместе с ним отправлены были от малороссийского духовенства, вероятно, для разъяснения возникших недоумений, два игумена: святой Димитрий и Кирилловской обители Иннокентий Монастырский. Это случилось в смутную эпоху стрелецкого бунта и последовавшего за ним падения царевны Софьи. Святой Димитрий вместе с гетманом, представлялись сперва царю Иоанну и сестре его в столице, а

потом и юному Петру в Лавре Троицкой, куда удалился от козней мятежников и где окончательно их преодолел. Малороссийские посланные были там свидетелями и ходатайства патриаршего за усмиренную царевну. Отпуская игумена, святой Иоаким благословил Димитрия продолжать жития святых и в знак своего благоволения дал ему образ Пресвятой Девы в богатом окладе. Думал ли святой Димитрий, что это было для него не только напутствием на родину, но и как бы предзнаменательным зовом водвориться в России?

По возвращении в Батурин продолжал он еще с большей ревностью заниматься священным трудом своим, сделавшись осторожнее в таком деле, которое имело уже важность для всей Церкви Российской. Для большего уединения оставил он даже свои настоятельские покои и устроил себе маленький домик близ церкви святителя Николая, который называл своим скитом. В келейном дневнике его около этого времени записано вместе с кончиною бывшего игумена Феодосия Гугуревича возвращение из чужих стран постриженника обители Бутуринской Феофана, который ходил учиться философии и богословию по разным землям. Это был будущий знаменитый проповедник и богослов Феофан Прокопович, архиепископ Новгородский. Скоро одни за другим

скончались патриарх Иоаким и митрополит Киевский Гедеон; новый первосвятитель Московский, Адриан, поставил на митрополию Киевскую бывшего архимандрита Лавры Варлаама Ясинского, который привез патриаршую благословенную грамоту святому игумену: «Сам Бог, в Троице животворящей благословен сый во веки, воздаст ти, брате, всяческим благословением благостынным, написуя то в книги живота вечного, за твои богоугодныя труды в писании, исправлении же и типом издания, книги душеполезные житий Святых на три месяца первые, Сентемврий, Октоврий и Ноемврий. Той же и впредь да благословит, укрепит и поспешит потруждаться тебе даже на всецелый год, и прочие таковыя же жития Святых книги исправить совершенно и типом изобразить в той же ставропигии нашей Патриаршей Лавре Киево-Печерской». Вслед за тем патриарх присовокупляет, что он просит и нового митрополита, и будущего архимандрита Лавры о содействии во всем «искусному, и благоразумному, и благоусердному делателю» (3 октября 1690 г.).

Глубоко тронутый такой святительскою милостью, смиренный Димитрий отвечал патриарху красноречивым посланием, в котором излил все чувства благодарности души: «Да похвален и прославлен будет Бог во святых и от святых сла-

вимый, яко даровал ныне Церкви Своей святой такового пастыря, добра и искусна, ваше Архипастырство, иже в начале своего пастырства, первее всех печешися и промышляеши о умножении Божия и Святых Его славы, желаючи житиям оным в мир типом изданным быти на пользу всему Христианскому православному Российскому роду. Слава сия всем преподобным есть. Ныне уже и аз недостойный усерднее Господу поспешествующу на предлежаще прострубренную и грешную мою руку, имый Святительство ваше в том деле пособствующее ми, укрепляющее же и наставляющее благословение, еже по премногу возбуждает мя, да сон лености оттряс, повелеваемое ми творю тщательно. Аще и не искусен есмь, не имый толико ведения и возможности, дабы все добро привести к совершенству зачатое дело: обаче о укрепляющем мя Иисусе наложенный святого послушания ярем носить должен есмь, скудоумия моего недостаточное исполняющу Тому, от его же исполнения мы все прияхом и еще приемлем, точию да и впредь пособствует ми, с благословением, богоприятная архипастырства вашего молитва, на ню же зело надеюся». Прилагая к этому свою просьбу о возвращении взятых Четых Миней, Димитрий заключает: «Аще бы изволил Архипастырство ваше, согласия ради пишиемых нами Святых житий, те же Святые книги трех речен-

ных месяцев на время к моему недостоинству повелеть прислать, потщался бых, помощью Божию, приседая им нощенствененно, почерпсти многую пользу и ту в мир типом издать». (10 ноября 1690 г.)

Возбужденный грамотою патриаршей, решился он оставить все прочее и исключительно посвятить себя начатому труду, чтобы успешнее его довершить, и вторично отказался от настоятельства обители Батуриной, водворившись в уединенном скиту своем. Одним из последних его действий в обители, которою управлял более шести лет, было дарование у себя пристанища ученому труженику Адаму Зерникаву. Он познакомился с ним еще в Чернигове под покровительством знаменитого Лазаря Барановича, и под кровом самого Димитрия окончил трудолюбивую жизнь свою богослов западный, который, оставив свою родину, искал себе другой отчизны в пределах Малороссии, на пути к небесной. В монастыре Димитриевом окончил он свою замечательную книгу о исхождении Духа Святого от единого Отца, вопреки мнений латинских, которые сам прежде разделял как протестант, заимствовавший в этом предмете догматы Римской Церкви. Между тем святой Димитрий приготовил к изданию вторую часть своих Четьих Минеи и сам отвез их в типографию Печерскую, но

издание замедлилось по строгому пересмотру книги архимандритом Мелетием, который сделался осторожнее после ошибок своего предместника Варлаама. Сам же сочинитель, получив из Данцига обширное описание житий святых издания Боландитов, тщательно занялся сличением их с собственным творением и приготовлением третьей части, потому что удостоился опять новой ободрительной грамоты от патриарха Адриана.

Сколько ни желал уединиться святой Димитрий для своего духовного подвига, не был он оставлен в покое знавшими его высокое достоинство и в деле управления церковного. Новый архиепископ Черниговский Феодосий Угличский, на краткое время заступивший на место Лазаря Барановича еще при его жизни, убедил любителя безмолвия принять управление обители святых первоверховных апостолов Петра и Павла близ Глухова; но едва лишь скончался архиепископ Феодосий, как уже митрополит Киевский Варлаам рукою властною перевел святого на место его пострижения, в обитель Кирилловскую, где еще был ктиторм столетний отец его. Он поступил туда на полугодичное время, как бы для того только, чтобы воздать последний сыновний долг своей матери, о кончине коей так отзывалось его любящее сердце в дневных его записках: «В са-

мый Великий Пяток спасительныя страсти мать моя преставися в девятый час дня, точно в тот час, когда Спаситель наш, на кресте страждущий за спасение наше, дух Свой Богу Отцу в руке предал. Имела лет от рождения своего более семидесяти... да помянет ю Господь во Царствии Своем Небесном! Скончалася с хорошим расположением, памятью и речью. О, дабы и мне таковой блаженной кончины Господь удостоил ее молитвами! И подлинно, христианская ее была кончина, ибо со всеми обрядами христианскими и с обыкновенными таинствами, бесстрашна, непостыдна, мирна. Еще же да сподоби ю, Господь, доброго ответа на Страшном Своем суде, яко же и не сомневаюсь о Божиим милосердии и о ее спасении, ведая постоянную, добродетельную и набожную ее жизнь. А и то за добрый спасения ее знак имею, что того же дня и того же часа, когда Христос Господь разбойнику, во время вольной своей страсти, рай отверзл, тогда и ее душе от тела разлучиться повелел». В этих словах заключается лучшая похвала и чистой любви сыновней строгого подвижника, и благочестию матери; погребена она самим сыном в Киевском Кирилловском монастыре в 1689 году.

Умилительны такие речи, которые исторглись из обильного любовью сердца, и тем драгоценнее для нас, что в них излилось то, что глубоко тай-

лось в груди святого от взоров мира. Не напрасно взывал Димитрий еще за несколько лет пред этим по случаю частого перехода своего из обители в обитель: «Где-то и мне придется положить голову!» – потому что опять последовала для него перемена в настоятельстве; каждый архиерей желал иметь его в своей епархии, и постоянно спорили о нем Киев и Чернигов. Преемник архиепископа Феодосия, [Иоанн Максимович](#), прославившийся впоследствии на кафедре Сибирской обращением многих тысяч язычников, предложил Димитрию монастырь Елецкий-Успенский в Чернигове, с присоединением и Глуховского, и посвятил его в сан архимандрита. Таким образом исполнилось слово архиепископа Лазаря: «Димитрий получит митру», но вскоре ожидала его и святительская. Не превознесся Димитрий новым своим саном, напротив того, смирение его усугубилось по мере возвышения в степени духовной, и не оставляла его любимая забота о житиях святых, как видно из письма его к другу Феологу, монаху Чудова монастыря, бывшему потом справщиком в московской типографии.

«Вашу братскую любовь ко мне, недостойному, зело благодарствую, занеже изволил честность твоя, от любви своея, в посланиях своих обоих написать ко мне, недостойному, похвалы выше моей меры, нарицающа мя благоднравна, благо-

разумна и света лучи в мир простирающа, и иная тем подобна, яже аще и от любви вашей происходят, обаче зело мя исполняют студа; понеже несмь таков якова же любовь твоя нещует мя быти. Несмь благонравен, но злонравен, обычаев худых исполнен и в разуме далече отстою от разумных; буй есмь и невежа, а светение мое есть едина тьма и прах... Молю же братскую твою любовь помолиться обо мне Господу, свету моему, да просветит мою тьму и изыдет честное от недостойного, и о сем явлена будет ваша ко мне, грешному, совершенная о бозе любви, егда мне вашими святыми молитвами ко Господу за мя помоществовати будете, в спасении моем безнадежном и в предлежащем мне книжном деле. И сие от любви вашей есть, яко благодарения воздаете Богови о моем архимандрию Елецкую возведении о бозе. Аз окаянный, яко же любве вашей, так и архимандрии тоя немь достаню. Всем бо, яко иногда попускает Господь Бог и недостойным, от них же первый есмь аз, приимати церковная честная достоинства. Сие же творить по неведомым судьбам своим; чего ради в немалом есмь страхе, нося честь выше моего достоинства недостойного. Надеюсь же на ваши святые молитвы, уповая на милосердие Божие, не погибнути с беззаконными моими. Книгу третью тримесячную житий Святых, Марта, Апреля, Мая, аще мя сподобит

Господь, то совершит и типом изображенную видети, не забуду честности твоей, яко же и превысочайшим лицам пошлю, или сам привезу, аще Господь восхощет и живи будем. О сем, честность твоя, буди известен и помоли Владыку Христа о моем окаянстве, да совершим вскоре пишемую нами книгу, помощью того всеильною, и нас, здравых и спасенных, коварствы вражиими ненаветованных, да соблюдет. Аминь».

Два года спустя переведен был святой Димитрий в Спасский монастырь Новгород-Северска; это уже был последний, коим управлял он, будучи попеременно настоятелем пяти обителей и двукратно одной Батуринской. В начале 1700 года окончена была печатанием в Лаврской типографии третья весенняя четверть его Минеи за март, апрель и май, и архимандрит Лавры Иоасаф Кроковский в залог особой своей благодарности к подвигу трудившегося прислал ему благословение: икону Богоматери, подаренную царем Алексеем Михайловичем митрополиту Петру Могиле. Царская икона, принесенная Димитрию бывшим архимандритом Никоном Московского Донского монастыря, была как бы вторичным предвестием зова будущего святителя в первопрестольную Москву. Малороссия уже лишалась своего светильника, которому подобало

воссиять на свещнике архиерейских кафедр Сибири и Ростова, дабы с высоты их светить всей Церкви Российской. Императору Петру Великому желательно было распространить свет христианства между инородцами недавно завоеванной Сибири, дабы его благодатное действие могло приникнуть и до дальних пределов Китая. По совещании со святейшим патриархом Адрианом решился он искать в более образованной тогда Малороссии достойного человека, могущего совместить обязанности проповедника язычников с саном святительским на кафедре Тобольска, осиротевшей после кончины благоговейного митрополита Павла. Варлааму Киевскому предписано было прислать в столицу кого-либо из архимандритов или игуменов, мужа ученого и жития непорочного, для кафедры Сибирской, который с помощью Божией мог бы обратить закоснелых в слепоте идолослужения к познанию истинного Бога. Новый пастырь должен был привести с собою двух или трех иноков, которые бы изучили языки китайский и монгольский, дабы служить при вновь устроенной в Пекине церкви. Так далеко и благодетельно досягал орлиный взор великого преобразователя, и митрополит Варлаам не судил никого более достойным этой высокой степени, как архимандрита Северского, известного ему по своей добродетели и учености.

Святительство Димитрия

Димитрий, прибыв в Москву в феврале 1701 года, не застал уже в живых благодетеля своего, патриарха Адриана, и приветствовал государя красноречивым словом, в котором изобразил достоинство царя земного как носящего на себе образ Христов. Месяц спустя, на 50-м году от рождения, был он рукоположен в митрополита Сибирского преосвященным Стефаном Яворским, митрополитом Рязанским, который и сам недавно возведен был в сан этот из игуменов Киевского Николаевского монастыря с назначением в местоблюстители патриаршего престола. Ему поручено было от царя заведование всеми делами упраздненной патриархии. Однако здоровье нового митрополита Сибирского, поколебавшееся от непрестанных занятий, не в силах было бы бороться с суровым климатом дальней его епархии, и притом любимый предмет занятий всей его жизни остался бы неоконченным. До такой степени тревожила мысль эта любителя святых, что он даже впал от того в тяжкую болезнь, и благосклонный государь, узнав при своем посещении о причине болезни, успокоил его царским словом и дозволил на время остаться в Москве в ожидании ближайшей епархии. Не без промысла Божия продлилось более года пребывание его в столице; пришелец Малороссии имел

время познакомиться с деятелями государственными и церковными того края, куда вызван был святительствовать в трудную годину преобразований. В Москве началась и дружественная связь его с митрополитом Стефаном, которого мало знал в Киеве; они поняли друг друга, и приязнь их основана была на взаимном уважении, хотя святой Димитрий всегда старался воздавать глубочайшее уважение местоблюстителю патриаршего престола, как бы самому патриарху. Во время продолжительной своей болезни в келлиях Чудова монастыря сблизился он с некоторыми учеными из монашествующих, Кириллом и Феодором, которые были справщиками типографии; тут же нашел и своего старого друга инока Феолога, и все трое оказали ему впоследствии много услуг для его ученых занятий, по предмету которых вел с ними постоянную переписку. Книги о житиях святых и частое проповедание слова Божия приобрели ему в Москве любовь и уважение знатных лиц. Вдова царя Иоанна Алексеевича, царица Параскева Феодоровна, пользовавшаяся особенным вниманием императора, была исполнена глубоким уважением к святителю и нередко наделяла его одеждой и яствами от своей трапезы.

Между тем скончался Иоасаф, митрополит Ростовский, и государь, еще более оценивший за-

слуги святителя Димитрия, повелел перевести его на вновь открывшуюся кафедру, для Сибирской же нашелся достойный ему преемник в лице Филофея Лещинского, который окрестил многие тысячи остяков, странствуя за ними на оленях по их тундре. Даже после своего удаления на покой, будучи схимником, вызван был он опять на новые подвиги апостольские, когда скончался Иоанн Максимович, бывший архиепископ Черниговский, заступивший его место. Они оба на западе Сибири, епископ же Иннокентий на востоке в Иркутске, впоследствии причтенный к лику святых, в одно время осияли светом христианства всю необъятную Сибирь. Какими чудными мужами Церкви, которые все возникли из пределов Малороссии, утешил Господь великую Россию в славные дни царствования Петрова! Эти три подвижника в Сибири, святитель Димитрий в Ростове, местоблюститель Стефан в столице, ревностный защитник православия и достоинства иерархии, Лазарь и Феодосий в Чернигове, Варлаам в Киеве, кроме других знаменитых святителей собственно русских, святого [Митрофана Воронежского](#), Иова Новгородского, распространявшего просвещение духовное, и иных! Не часто повторяется столь утешительное явление в летописях церковных.

Отсюда начинается для святителя Димитрия новый период жизни; весь посвятившийся заботам пастырским, хотя и не оставляя он своих любимых занятий ученых, здесь явил он себя, по слову апостольскому, таким, каким подобает быть архиерею для своей паствы: «преподобным, незлобивым, нескверным, отлученным от грешников», хотя по немощи человеческой, подобно всем первосвященникам, должен еще был приносить жертвы и о своих погрешностях, принося бескровную жертву за грехи людские, доколе сам не воссиял в ликах святых (Евр.VII.26,27). Вступая в свою епархию со всею готовностью посвятить ей остаток своей жизни, на первом шагу уже предвидел он, что тут должно окончиться ее течение, и потому избрал себе место вечного упокоения на краю города, в той обители, в которой остановился, чтобы идти оттуда торжественным ходом, занять кафедру в соборе Ростовском. Новый святитель совершил обычное моление в церкви Зачатия Божией Матери Яковлевского монастыря, основанного одним из святых его предшественников, епископом Иаковом (которого и мощи там почивают), и погрузился в глубокую думу о своем будущем; там же, указав место в углу собора, сказал окружающим его слово псаломное пророка царя Давида, которое обратилось в пророчество и для него самого: «Се покой мой, zde вселюся в век века». И здесь

действительно притекают теперь верные к нетленным мощам вновь прославленного угодника Божия. Потом совершил он Божественную литургию в кафедральном соборе Успения Богоматери и приветствовал паству свою красноречивым словом, напомнив ей о древнем союзе Церкви Ростовской с Лаврою Печерскою, откуда нес он своей пастве благословение Божие Пресвятой Богородицы и преподобных Печерских; добрый пастырь беседовал как отец с детьми, кратко излагая взаимные обязанности пасущего и пасомых. Особенно трогательны были слова: «Да не смущается сердце ваше о моем к вам пришествии, дверьми бо внидох, а не прелазя инуде: не исках, но поискан есмь, и не ведах вас, ниже вы мене ведаете; судьбы же Господня бездна многа; тыя послаша мя к вам, аз же приидох, не да послужите ми, но да послужу вам, по словеси Господню: хотяй быти в вас первый, да будет всем слуга. Приидох к вам с любовию: рекл бых, яко приидох, яко же отец к чадом, но паче реку: приидох яко же брат к братии, яки же друг к любезным другом: ибо и Христос Господь не стыдится нас братиею нарицати. Вы друзи мои, глаголет, не к тому нарицаю вас раби (Ин. XV), но друзи, а еже честнее и удивительнее, яко и отцами себе нарицает любимыя своя, глаголя: сей ми есть и отец, и мати, иже творит волю отца моего небесного, убо и ваша любовь есте

ми, и отцы, и братья, и друзи. Аще же отцом мя воззовете, то аз апостольски к вам отвечаю: чада мои, ими же болезную, дондеже вообразится в вас Христос» (Гал. IV, 19).

В келейных записках святителя Димитрия написано: «1702 год. Марта 1-го, в неделю вторую Великого поста, вздых на престол мой в Ростове Божиим изволением», и вслед за тем: «1703 года, Января 6-го, в третий час дня Богоявления Господня, преставися отец мой Савва Григорьевич и погребен в монастыре Кирилловском-Киевском, в церкви Св. Троицы: вечная ему буди память». Этими словами заключается дневник святого Димитрия, который как будто не хочет продолжать своих записок после блаженной кончины статрехлетнего старца-родителя. Не удивительно ли такое сыновнее чувство в великом святителе, и вместе с тем не достойно ли внимания то обстоятельство, что простой сотник Туптало, благочестивый ктитор Кирилловской обители, имел еще до своей кончины утешение если не видеть лично, то по крайней мере слышать, что сын его Димитрий достиг высокой степени святительства и самой митрополии. Все отношения родственные и семейные кончились для святителя и даже самые узы, соединявшие его с родною ему Малороссией; новая обширная семья ростовская окружила его кафедру, и ей по-

святил он все свои пастырские заботы в продолжение семи лет, постоянно радея о ее духовном усовершенствовании.

Паства его не имела училищ, которые были только в Москве, и даже лишена была живого проповедания слова Божиего, и потому народ легко увлекался лестными учениями лжи и раскола. С глубокой горестью говорил святитель в одном из своих поучений жителям Ростова: «Оле окаянному времени нашему, яко отнюдь пренебрежено то сеяние, весьма оставися слово Божие, и не вем, кою черное окаевати тебе: сеятелей или землю, иереев ли, или сердца человеческие, или обои то купно? Вкупе непотребнии быша, несть творяй благостыню, несть до единого. Сеятель не сеет, а земля не приемлет; иереи не брегут, а люди заблуждают: иереи не учат, а люди невежествуют; иереи слова Божия не проповедуют, а люди не слушают, ниже слушати хотят; от обою сторону худо: иереи глупы, а людие неразумны». Недостаточное приготовление к священному сану необходимо влекло за собою разные злоупотребления и беспорядки, против которых не замедлил принять пастырские меры заботливый святитель. До нас дошли два его окружных послания к епархиальному духовенству: из них видно, с одной стороны, до какой степени простиралось тогда невнимание священников к

важности возложенного на них звания, а с другой стороны, как велика была пастырская ревность святого Димитрия, сокрушавшая зло всеми мерами убеждения и власти.

В первом обличает он некоторых священников своей паствы в том, что они обнаруживают грехи своих духовных детей, открытые им на исповеди, или по тщеславию, или по желанию нанести им вред; святитель убедительно доказывает, что обнаруживать тайны, открытые на исповеди, значит не понимать духа Таинства, оскорблять Святого Духа, который даровал прощение грешнику, противоречить примеру Иисуса Христа, снисходившего грешникам. Нескромный духовник есть Иуда предатель и подобно ему подлежит вечной гибели. Обнаружение тайн совести вредно не только для обнаруживающего, но и для обличаемых, которые не могут после этого искренне каяться и навлекают на себя всеобщее бесславие. Потом святитель обличает священников, которые оставляют бедных прихожан своих больных без исповеди и Причащения Святых Тайн, так что многие умирали без святого напутствия; он угрожает таким пастырям гневом Божиим за то, что затворяют Царство небесное перед человеками, сами не входят и входящим возбраняют войти и предлагает в многолюдных приходах для исправления треб церковных при-

глашать «придельных» священников. В другом святой Димитрий внушает особенное благоговение к Таинству Животворящего Тела и Крови Христовой. Он обличает иереев, хранящих Святые Дары, приготовляемые для приобщения болящих на целый год, в ненадлежащем месте, и предписывает хранить эти Тайны в чистых сосудах на святом престоле и воздавать им благоговейное почитание; потом увещевает иереев, чтобы они не иначе приступали к священнодействию евхаристии, как с предварительным приготовлением, а по окончании священнодействия пребывали в воздержании и трезвости; также вкратце напоминает им о других обязанностях их в отношении к пастве.

Чувствуя, что одними предписаниями нельзя исправить данного зла, святой Димитрий решился завести училище при архиерейском доме из собственных доходов, и это было первое в Великой России после Московского; оно разделилось на три грамматические класса, насчитывавших до двухсот человек. Святителю желательно было, чтобы выходящие из него умели проповедовать и Слово Божие; сам он наблюдал за их успехами, делал вопросы, выслушивал ответы и, в отсутствие учителя, иногда принимал на себя эту обязанность, а в свободное время толковал избранным ученикам некоторые места Священного Пи-

сания и летом призывал их к себе в загородный дом. Не менее заботился он и о нравственном их воспитании, собирал их по праздникам ко все-нощной и литургии в соборную церковь, и по окончании первой кафизмы все должны были подходить к его благословению, дабы мог видеть: нет ли отсутствующих? В Четырдесятницу и прочие посты обязывал каждого говеть, сам приобщая Святых Тайн всех учеников, а когда бывал болен, посылал им приказание, чтобы каждый прочитывал за него молитву Господню по пяти раз в воспоминание пяти язв Христовых, и это врачество духовное облегчало его болезнь. Обращение его с юными воспитанниками было совершенно отеческое, и часто повторял он им в утешение предстоявшей разлуки: «Аще сподоблюся получить от Бога милость, тогда и о вас буду молить, дабы и вы также от него получили милость: писано бо есть: да иде же есмь аз, и вы будете» (XIV.4). Окончившим курс давал он места при церквах по собственному усмотрению и старался внушить клирикам более уважения к их должности, посвящая их в стихарь, чего прежде не бывало в Ростове.

Такие постоянные занятия не сокращали деятельности святого в любимом труде его описания житий святых, для которого собирал сведения через своих московских знакомых. Два года по-

сле его водворения в Ростове окончена была и последняя летняя четверть Четыи Минеи, а также отправлена в Киев для печати. Радостно извещал он о том в Москве друга своего Феолога: «Сорадуйтесь мне духовно, яко споспешеством ваших молитв сподобил меня Господь Августу месяцу написать аминь и совершить четвертую житий Святых книгу; твоему же дружелюбию известную, ведая вашу к моему недостоинству братскую любовь и желание книге нашей прийти к совершению. Слава Богу совершишася, прошу помолиться не вотще быти пред Господом худому нашему труду». А в летописях архиереев Ростовских, хранящихся при соборе, рукою святителя замечено: «В лето от воплощения Бога Слова, месяца Февруария, в 9-й день на память св. мученика Никифора, сказуемого победоносца, в отдание праздника Сретения Господня, изрекшу Св. Симеону Богоприимцу свое моление: ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, в день страданий Господних пятничный, в оньже на кресте рече Христос: совершишася пред субботою поминовения усопших и пред Неделею Страшного суда, помощью Божиею, и Пречистой Богоматери, и всех Святых молитвами, месяц Август написася. Аминь».

Подвиги против раскола

При всех своих занятиях святитель по возможности обозревал свою паству и при вторичном посещении города Ярославля в 1704 году торжественно переложил мощи святых князей, Феодора Смоленского и чад его Давида и Константина, в новую раку, устроенную усердием граждан, отчасти и его собственным; по любви своей ко всем угодникам Божиим уделил он и себе малую часть мощей их на благословение. Посетив опять на следующий год Ярославль, он был озабочен вразумлением некоторых из числа меньшей братии его обширной паствы – их встревожило повеление царское о брадобритии, потому что они, по слепоте своей, почитали лишение бороды за искажение образа Божия. Святитель сам рассказывает, как однажды при выходе из собора после литургии два не старых человека остановили его с вопросом: как повелит им поступить, потому что они предпочитают положить лучше головы свои на плаху для отсечения, нежели бороды. Не приготовленный к ответу святой Димитрий спросил только у них: «Что отрастет? голова ли отсеченная или борода?» – и на их ответ: «Борода», – сказал им в свою очередь: «И так лучше нам не щадить бороды, которая столько же раз отрастет, сколько ее будут брить; голова же отсеченная – только в воскресение мертвых». После такого вразумления увещевал он и сопровождавших его граждан поко-

ряться во всем предержащей власти, по слову апостольскому, и не в зримом, внешнем образе, разуметь подобие Божие. Впоследствии написал он по этому предмету целое рассуждение, которое было неоднократно печатано по воле государя; это был первый опыт состязания его с раскольниками, ему неизвестными до пришествия из Малороссии.

«Аз смиренный не в сих странах рожден и воспитан, – писал он, – ниже слышал когда о расколах, в стране сей обретающихся, ни о разнствии вер и нравах раскольничьих; но уже здесь, по Божию изволению и по указу государя жити начав, уведех слухом от многих донесений». Тогда же, для назидания своей паствы, кроме устного проповедования слова Божия, написал он катехизические наставления в более доступном виде вопросов и ответов о вере, а также зеркало православного исповедания и еще двенадцать статей о пресуществлении хлеба и вина в Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа.

Были у него и другие заботы о благосостоянии вверенного ему духовенства, по случаю переписи для распределения в военную службу детей священно- и церковнослужителей, так как тогда великая была нужда в людях всякого звания для тяготевшей над Россией шведской войны.

Неутешительно было и оскудение архиерейского дома, потому что все вотчины состояли под монастырским приказом, но и то немногое, чем мог пользоваться святитель, употреблял он на училища убогих. До чего доходило собственное его убожество, видно из его письма к Феологу; он извиняется, что не имеет лошадей, дабы привезти его к себе, ибо сам чуть не пешком бродит: «Ни коня, ни всадника, оскудели овцы, и лошадей нет». Впрочем, как он впоследствии выразился в своем завещании: «С тех пор, как принял на себя иноческий образ и обещал Богу нищету произвольную, даже до приближения ко гробу, не собирал я имения, кроме книг святых; ни золота, ни серебра, ни излишних одежд, кроме самых нужных, но старался соблюсти нестяжение и нищету иноческую духом и самим делом, полагаясь во всем на Промысл Божий, никогда меня не оставлявший». Но здоровье его, истощенное многими трудами, час от часу оскудевало, и это побудило написать свою духовную перед Пасхой 1707 года.

За год пред тем посетил он еще однажды Москву, куда был вызываем на чреду для совещаний, как то бывало при патриархах, и там много говорил поучений церковных. Опытность его была весьма полезна для друга его, местоблюстителя Стефана, к нему обращались и отдаленные архи-

ереи, привлеченные его славою как духовного писателя и витии. Митрополит Казанский Тихон, перенесший в кафедральный собор свой мощи святителя Гурия, просил составить для него службу и похвальное слово, что исполнил святой Димитрий с тою же любовью, с какой писал самые жития святых. Он составил для Казани еще две службы, в честь чудотворной иконы Богоматери и святых мучеников Кизических, которые и до сих пор там совершаются. Душа его, проникнутая помазанием Духа Святого, часто изливалась в кратких духовных творениях, исполненных умиления, которое, истекая из столь благодатного источника, спасительно действовало на читателей.

Таковы его «Врачество духовное на смущение помысла, от разных книг отеческих вкратце собранное» и «Апология в утление печали человека, сущего в беде и озлоблении», и еще: «Внутренний человек в клети сердца своего, уединенно поучающийся в тайне»; самое их название уже выражает внутреннее достоинство. Умилительна его молитва исповедания к Богу повседневного, от человека, полагающего спасения начало, и исповедание общее грехов, глаголемое перед иереем, которое влагает он в уста каждому человеку, не имеющему довольно смелости выразить их добровольно. Возвышенно размыш-

ление святителя о причащении Святых Тайн, в созерцание которых любил часто погружаться; он еще оставил нам краткое о них воспоминание на каждый пяток, вместе с трогательным целованием язв Господа нашего Иисуса Христа, с богомысленным им поклонением и плачем на погребение Христово. Тут ясно слышится голос души в созерцании спасительных страданий Спаса своего, сопутствующий ему от Гефсимании до Голгофы, души, которая, по любви своей к Распятому, может воскликнуть вместе с апостолом: «Мне же да не будет хвалиться, токмо о Кресте Господа нашего Иисуса Христа» (Гал. VI, 14).

Иногда любовь эта изливалась в слезах скорби; видя бездыханным источник жизни, взывает он: «Камо грядеши несомый, сладчайший Иисусе? камо от нас грядеши, надежде и прибежище наше? камо, свете наш, заходиши от очию нашею? незаходимое солнце, како познаваеши свой за-пад?»

Станите носящий носящего весь мир дланию! станите носящий понесшего бремя греховное всего рода человеческого! носящий станите, его же ради ста солнце и луна в чину своем, на Кресте того зрящи».

«Не браните нам детем приходити ко отцу, аще уже и умершу; не браните чадом поплакати о общем всех родителе, иже породил есть нас кровию своею. Дадите ноне малые излияти слезные от очес капли над тем, иже от всего тела для нас избыльные источи крове своея потоки, от ребер же с кровию воду».

Еще одно духовное назидательное творение приписывается святителю Ростовскому, по глубокому чувству веры и благоговения, которым оно исполнено: это Алфавит духовный, или Лествица восхождения духовного, разделенная на 33 ступени, по числу лет Господних, в подражание высокому творению [Лествичника Синайского](#). Но сам Димитрий относил его великому подвижнику Исаии Коныстенскому, который, подобно древнему Илариону Печерскому, из пещер Антониевых взошел на кафедру Киевскую. Однако и до сих пор общее мнение украшает его именем святого Димитрия.

Но так как ревностный труженик при всех своих пастырских заботах не мог оставаться долго без постоянного труда, то, по окончании многолетнего своего подвига житий святых, почувствовал потребность в такой книге, которая бы могла знакомить читателя с судьбами Церкви в древние ее времена. Он решился составить лето-

пись, или Священную историю, в таком виде, чтобы служила руководством для проповедников. Смиренно сообщил он новую мысль свою другу местоблюстителю:

«Под названием и образом летописца желал бы я некие полезные нравоучения писать, дабы не только историями увеселять читателя, но и нравоучениями учить. Сие есть мое намерение, если не для других (ибо кто аз, дабы учить ученых мужей), то по крайней мере для меня самого». Ревностно начал он собирать для этого предмета летописи церковные, славянские, греческие, латинские и обращался с просьбою в Москву к Фелологу, дабы пополнил ему недостаток хронографов ростовских. По мере того, как подвигалась летопись, он пересылал труд свой митрополиту Стефану на рассмотрение, смиренно прося его рассудить, будет ли на пользу Святой Церкви или нет, и благодаря искренно за все его замечания. Но в то же время и сам укреплял духовно местоблюстителя патриаршего на его трудном поприще: «Молю, елико могу, Господа крепкого и сильного, да укрепит ваше Архиерейство в ношении толь тяжкого креста. Не изнемогай, Святитель Божий, под таковыми тяжестями! ветвь под тяжестью всегда плодотворит. Не мни быти тщи труды свои пред Богом, глаголющим: приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные

(Мф. XI, 28). Велико воздаяние понесшим тяготу и вар дне! Не суть суетны, ими же благоразумно управляется корабль Церкви Христовы во время толиких обуреваний. Ублажаете, преосвященство ваше, уединение, ублажаю и аз; но и святого [Макария Египетского](#) рассуждение не худо, который о пустынножителях и о труждающихся во градах и для людской пользы пишет сице: овыи (пустынножители), имуще благодать, о себе только пекутся; иные же (учители и слова Божия проповедники) иных души пользовати тщатся: сии оных много превышают. Подвизайся о укрепляющем вас Иисусе, подвижнике Христов! Бремя сие не по случаю какому наложися вашему Святительству, но смотрением Божиим; зане же и венец праведного воздаяния ждет вас; иго Христово благо носить: буди и бремя его вам легко».

Однако, несмотря на все усилия святого Димитрия, летописный труд его не был доведен до конца, частью по его болезни, а частью от настоятельных нужд епархии, хотя и желал он весьма окончить Священную историю, как это видно из его письма к Феологу: «Чего убо мне, бессильному, надеяться? Страх смерти нападе на мя... а дело книгописное как останется? Будет ли кто охотник приняться за него и вершити? а еще много надобно в том деле трудиться: годом его

не свершишь и другим годом насилу к свершению поспеть, а конец при дверех, секира при корене, коса смертная над главою. Увы мне! не жаль мне ничего, ниже имаю чесога жалети, богатства не собрах, денег не накопих, едино мне жаль то, яко начатое книгописание далече до совершения; а еще и о Псалтыри помысл бывает. Думка за морем, а смерть за плечами». Летописец остановился на шестом столетии четвертой тысячи лет.

Другой, более необходимый труд предстоял ему пред исходом жизни: направить к истине совращенные умы некоторых из своей паствы. Вскоре после Пасхи 1708 года святитель узнал, что в его кафедральном городе и других городах и селениях кроются лжеучители. Священник ростовский донес ему, что один из его прихожан не хочет воздавать должного чествования ни святым иконам, ни мощам, и святитель из личного разговора убедился в его закоснелости, когда хотел пастырски его вразумить. Скиты раскольнические из лесов Брянских, в пределах Калужских, проникли в его епархию, которой угрожали с другой стороны своим лжеучением костромские и нижегородские скиты; раскольники сманивали легковверных, особенно из числа женщин. Не видя в своем духовенстве людей, способных действовать против угрожающего раскола, решился он

сам подать благой пример и сильное оружие против нелепых толков. Простым вразумительным словом объяснил он народу вредное на них влияние брянских лжеучителей и неосновательность их мнений, и, как истинный пастырь, не стеснялся никакими светскими отношениями, когда должен был стоять за правду. Священник его епархии явился защитником мнений раскольничьих; святитель после строгого исследования отрешил его от должности и велел как вдовому искать себе место где-либо в монастыре; но виновный тайными путями нашел доступ к царице, и она ходатайствовала за него пред святым Димитрием. Тогда блюститель православия представил царице весь ход незаконного дела и смиренно просил ее не гневаться на то, что не может изменить своего решения. «Много было мне от него досады, – писал он, – пред многими бо людьми хуля мое смиренное имя, нарицал меня еретиком и римлянином и неверным: обаче все то ему прощаю Христа ради моего, иже укоряем противу не укоряше и стражда терпяще; взирая на незлобие Спаса моего, тому попу простих, священства не запретих, и дах ему волю избрати себе где место, в монастыре коем-либо пострицися. Но гнева Божия на себе боюся, аще волка, в одежде овчей суца, пуцу в стадо Христово погубляти души людские раскольнически ученьями. Молю убо Ваше Царское Благоуро-

дие, не положите гнева на мя, богомольца своего, что не могу соделати вещи невозможной».

Узнав, что расколоучители усилились особенно в Ярославле, он сам туда поехал в ноябре 1708 года и убедительным словом проповедовал о неправости веры раскольничьей и истине православия в защиту знамения честнаго креста. Не довольствуясь живым словом, начал он составлять письменные обличения мнений раскольничьих, для чего отложил дело летописное, которое столько его занимало, помышляя в себе, как писал он к Феологу, что: «...Бог не истяжет его о летописи, о том же, если молчать будет против раскольников, истяжет». Святитель, как бы предчувствуя, что и году жизни ему не осталось, поспешил делом так, что к Великому посту оно совсем почти окончилось. Это был его знаменитый «розыск о Брынской вере» или полное обличение против раскольников; последний труд, которым подарил он отечественную Церковь, как твердый щит от лжеучения, которым хотел оградить паству и после своей кончины. Изумительно, с какой быстротой написал он свою многосложную книгу, собирая отовсюду изустные верные сведения о сектах и толках раскольничьих от людей, живших по их скитам и обратившихся к истине. Благой пример святителя воздвиг и нового подвижника против раскольников в лице

Питирима, бывшего строителя Переяславского, который послан был действовать против них на Киржач и многих обратил впоследствии в сане епископа Нижегородского. Святой Димитрий искал сведений против раскола и в Москве, у своих ученых друзей, прося их тщательно рассмотреть священную утварь соборов, могущую служить обличением неправды.

Даже в последних своих письмах постоянно извещал он Феолога о новом своем сочинении, которое занимало всю его деятельность, хотя и скупчал такого рода прениями и надеялся довершить его к Светлому празднику, жалуясь только на недостаток писцов. Этой книгой окончились письменные труды святителя на сорокадвухлетнем иноческом его поприще и семилетнем святительстве в Ростове. Повторяя вместе с Давидом: «Пою Богу моему, дондеже есмь», он говорил, что мы должны что-либо делать во славу Божию, да час смертный не в праздности нас застанет, и помышлял возвратиться к своему Летописцу, если Бог поможет его немощи; но она его одолела на пятьдесят восьмом году от рождения, ибо силы его, изнуренные многолетними трудами, более и более ослабевали, и уже за год до своей кончины писал он в Москву к своим друзьям: «Бог весть, могу ли начатое совершить? понеже часто и мои недугования перо

пишущее от руки отъемлют и писца на одр повергают, гроб же очам представляют, а к тому очи мало видят и очки не много помогают, и рука пишущая дрожит, и вся храмина тела моего близ разорения».

Таковы были подвиги святительские святого Дмитрия, но кто исчислил его келейные подвиги? Ибо он был бодрый молитвенник и постник и как писаниями своими внушал другим заповеди поста и молитвы, так и собою подавал пример к их исполнению. Во все дни пребывал он в воздержании, вкушая мало пищи, кроме праздников, а в первую неделю Четырехдесятницы однажды только разрешал себе пищу, в Страстную же неделю только в Великий Четверг, и тому же научал своих присных. Он советовал им при каждом ударе часового колокола памятовать час смертный, ограждая себя крестным знаменем с молитвами: «Отче наш» и «Богородице». Приходивших к нему в келлию не отпускал без назидания и благословения малыми иконами и все свои небольшие келейные доходы употреблял на добрые дела, промышляя о вдовах и сиротах; часто при раздаче милостыни ничего не оставалось у самого для потребности житейской. Нередко собирал он в свою крестовую палату нищих, слепых и хромых, раздавая им одежду вместе с хлебом, ибо он, подобно Иову, был оком слепых, но-

гою хромых и утешителем своей паствы. Непрестанно ожидая своего исхода по умножению болезни и опасаясь, чтобы не стали искать после его кончины мнимых богатств, святитель за два года до кончины написал свою духовную, в которой излилась пред Господом и человеками вся его высокая христианская душа, исполненная любви к ближним и глубочайшего смирения.

«Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь. Се аз, смиренный архиерей Дмитрий, митрополит Ростовский и Ярославский, слушая гласа Господа моего, во Святом Евангелии глаголющего: будьте готови, яко в он же час не мните, Сын человеческий приидет (Мф. XXIV, 44); не весть бо, когда Господь дому приидет, вечер, или полунощи, или в петлоглашение, или утро, да не пришед внезапно, обрящет вы спяща (Мк. XIII, 35), того гласа Господня слушая и бояся, еще же и чаєте недугованием одержим бывая, и день от дне изнемогая телом, и чая на всяко время онаго Господом глаголанного нечаянного часа смертного, и по силе моей приуготовляясь ко исходу от сея жизни, судих сею духовною грамотою моею вестно сотворити всякому; иже восхощет по кончине моей взыскивати имения моего келейно, во еже бы не трудиться ему вотще, ни истязовати служивших мне Бога ради, да весть мое сокровище и богатство, еже от юности моя на

собирах (сие не тщеславяся реку, но да искателем моего по мне имени вестно сотворю); отнеже бо приях святой иноческий образ и постригохся в Киевском Кирилловом монастыре в осьмнадцатое лето возраста моего и обещал Богу нищету извольную имети: от того времени даже до приближения моего ко гробу не стяжевах имени и мшелоимства, кроме книг святых, не собирал злата и сребра, не изволях имети излишних одежд, ни каких-либо вещей, кроме самых нужд: но нестяжание и нищету иноческую духом и самим делом по возможному соблюсти тщахся, не пекийся о себе, но возлагаяся на Промысл Божий, иже никогда же мя остави. Входящая же в руке мои от благодетелей моих подаяния и яже на начальствах келейный приход, тыи истощевах на мои и на монастырские нужды, идеже бех во игуменех и архимандритех, такожде и во архиерействе сый, не собирах келейных (иже не многи бяху) приходов, но ово на мои потребности та иждивах, ово же на нужды нуждных, идеже Бог поведет. Никто же убо да трудится по смерти моей, испытую или взыскуя какового-либо келейнаго моего собрания; ибо ниже на погребение что оставляю, ни на поминовение, да нищета иноческая наипаче на кончине явится Богу: верую бо, яко приятнее Ему будет, аще и единая цата по мне не останет, нежа еда бы многое собрание было раздаваемо. И аще мене, тако ни-

ща, никто же восхошет обычному предати погребению, молю убо тех, иже свою смерть памятствуют, да отвлекут мое грешное тело в убогий дом, и тамо между трупами да повергнут е. Аще же владычествующих изволение повелит мя, умерша, погребсти по обычаю, то молю христоролюбивых погребателей, да погребут мя в монастыре Св. Иакова, епископа Ростовского, во угле церковном, идеже место ми наименовах, о сем челом бью. Изволяяй же безденежно помянути грешную мою душу в молитвах своих Бога ради, таковый и сам да не поминает мя нища, ничтоже на поминовение оставльша: Бог же да будет всем милостив и мне грешному во веки. Аминь».

«Сицевый завет: се моя духовная грамота: сицево о имении моем известие. Аще же кто известию сему, не емля веры, начнет со испытанием искати по мне злата и сребра, то аще и много потрудится, ничто же обрящет, и судит ему Бог».

Святой Димитрий объявил завещание свое заблаговременно другу своему, местоблюстителю патриаршему Стефану, и они положили между собой взаимный обет: чтобы тот из них, кто переживет другого, совершил погребальную службу над усопшим собратом. Стефану, младшему по годам и бодрому по силам, досталось воздать этот последний долг своему другу. За несколько

дней до кончины святой Димитрий, услышав, что благочестивая царица Параскева Феодоровна собирается в Ростов для поклонения чудотворной иконе Богоматери, которую должны были принести из Толгской обители, сказал казначею своему, иеромонаху Филарету, предвещая ему свою кончину: «Се грядут в Ростов две гости, Царица Небесная и царица земная, токмо я уже видеть их здесь не сподоблюся, а надлежит к принятию оных готову быть тебе, казначею».

За три дня до преставления начал он изнемогать, однако в день своего Ангела, святого великомученика Димитрия Солунского, служил по обычаю литургию в соборной церкви, но уже не в силах был говорить поучение. Один из певчих читал приготовленное им по тетрадке, святитель же сидел в царских дверях, изменившись в лице от тяжелой болезни. Несмотря на то, он принудил себя присутствовать и при обычной трапезе в крестной палате, хотя ничего не вкушал. На другой день приехал из Переяславля преданный ему архимандрит Варлаам и был принят им с любовью. Во время их духовной беседы прислала бывшая кормилица царевича Алексея Петровича, инокиня Евфросиния, из рода Казинских, жившая близ архиерейского дома, просить святителя, чтобы навестил ее, болящую. Изнемогаю-

щий сам от болезни, отказался идти, хотя и много уважал ее добродетельную жизнь; но она вторично прислала убедительно просить, чтобы хотя на краткое время посетил ее; подвигнутый советом архимандрита, который полагал, что малое движение будет ему полезно, святитель решился исполнить желание благочестивой инокини после вечернего пения, но уже с трудом мог дойти обратно до своей келлии. Он поручил казначею своему угостить архимандрита, и сам, поддерживаемый служителями, немалое время ходил по келлии, думая облегчиться от удушливого кашля; потом велел призвать к себе в келлию певчих, чтобы еще раз усладить слух свой духовным пением гимнов, которые сам некогда составил, как-то: «Иисусе мой прелюбезный! Надежду мою в Бозе полагаю! Ты мой Бог, Иисусе, Ты моя радость!» Во все время пения внимательно слушал святой Димитрий, прислонясь к печке и греясь духовно более, нежели телом. С благословением отпустил он каждого из певчих и одного только любимого при себе удержав, который был ему усердный сотрудник при переписке его творений. Простодушно начал ему рассказывать болезненный святитель о своей жизни, чувствуя уже ее исход: как ее провождал в юности и в совершенном возрасте, как молился Господу, Пречистой Его Матери и всем угодникам Божиим, и присовокупил: «И вы, дети, молитесь так же».

Наконец сказал: «Время и тебе, чадо, идти в дом свой»; когда же певчий, приняв благословение, хотел удалиться, святитель проводил его до самых дверей и поклонился ему почти до земли, благодаря его за то, что много трудился, переписывая его сочинения. Содрогулся певчий, видя столь необычное провождение своего пастыря, и с благоговением сказал: «Мне ли, последнему рабу, так поклоняешься, владыко святой?» И с кротостью опять сказал ему смиренный владыка: «Благодарю тебя, чадо», – и возвратился в келлию; певчий же, заплакав, ушел в дом свой. Тогда святитель велел разойтись всем своим служителям, сам же, заключившись в особой келлии как бы для того, чтобы несколько отдохнуть, пребыл в молитве до своего преставления. На рассвете взошедшие служители нашли его на коленях, как бы молящегося, но какую печалью исполнилось их сердце, когда увидели его уже усопшим на молитве. Ударили трикраты в большой колокол; певчий, еще накануне с ним беседовавший, услышав сей горестный глас святительского преставления, немедленно прибежал в архиерейские палаты и еще застал пастыря своего и отца стоящим на коленях в том положении, в каком предал праведную душу свою Богу.

Усопший облачен был в святительское одеяние, которое сам себе приготовил, и вместо послания

положены были ему, по благовременному его приказанию, разные его сочинения, вчерне писанные его рукою; тело усопшего пастыря вынесено было в крестовую его церковь Всемиловитого Спаса, что на сенях, близ той келлии, где он скончался. Когда огласилось в Ростове о представлении доброго и чадолюбивого пастыря, почти весь город стекся к честному его телу, и поднялся горький плач народа о добром пастыре, учителе и заступнике, оставившем сиротами свою паству. В тот же день благочестивая царица Параскева с тремя дочерьми-царевнами: Екатериною, Параскевою и Анною Иоанновнами, прибыла после обедни в Ростов и весьма сокрушалась, что не удостоилась получить благословение святителя пред его исходом. Она велела отслужить соборную панихиду над усопшим и пошла на сретение чудотворной иконы в Богоявленский монастырь, откуда принесена была с торжеством в Ростовскую соборную церковь, дабы главная святыня осиротевшей епархии осенила усопшего пастыря. Туда же в присутствии царицы с подобающей честью перенесено было тело святительское и вторично совершена соборная панихида в ее присутствии: такую почесть судил Господь воздать блаженному своему угоднику! Завещание его было немедленно послано в Москву в монастырский приказ, и во исполнение его предсмертного желания велено бы-

ло в Яковлевском монастыре приготовить могилу в соборной церкви Зачатия Богоматери, в углу с правой стороны, и выстлатъ ее камнем; но по небрежению могильщиков, не без особого, впрочем, Промысла Божия, не была выстлана камнем могила, а только сделан обруб деревянный, который от сырости скоро сгнил, и это послужило впоследствии к обретению мощей святителя.

Около месяца пребывало тело святого Димитрия в соборной его церкви нетленно, и во все это время совершались над ним панихиды всенародные. Уже в последних числах ноября прибыл в Ростов местоблюститель патриаршего престола митрополит Стефан исполнить данный им обет другу, и когда вошел в кафедральный собор, много плакал над гробом усопшего. Тогда настоятели монастырей ростовских, соборные священники и многие из почетных граждан приступили к митрополиту, умоляя его погребсти тело любимого ими святителя в соборной церкви, подле его предместника Иоасафа, где и всегда погребались митрополиты ростовские: но местоблюститель патриарший не решился изменить воли своего друга. Он сказал просящим: «Так как при самом вступлении своем на епархию Ростовскую преосвященный Димитрий предварительно сам избрал себе место упокоения в Яко-

влевском монастыре, то имею ли я право изменить оное?»

В назначенный для погребения день 25 ноября местоблюститель патриарший отслужил торжественную литургию в кафедральном соборе и надгробное пение со всеми священнослужителями города Ростова, причем сказал приличное слово в память усопшего. Потом в сопровождении всего клира и народа, со многим плачем и чрезвычайным торжеством перенесено святое тело в Яковлевский монастырь, где и положено, по завещанию, в правом углу соборной церкви, и надгробные стихи написаны были самим местоблюстителем Стефаном. Замечательно, по любви святителя к воспоминанию страстей Господних, стечение дней для него значительных: скончался он в день пятничный, вскоре после своего тезоименитства, и погребен месяц спустя, также в день пятничный, посвященный памяти Распятия Господня, и обретение святых мощей его случилось также в день пятничный, ибо этот великий подвижник, собиравший во все течение своей жизни на пользу всего православного христианского рода жития святых, написанных на небесах в книге вечной, и сам вскоре после своего отшествия от сей маловременной жизни удостоился быть вписанным вместе с ними в той же

вечной книге перстом Божиим и увенчаться венцом нетления.

После 42 лет, протекших от его погребения, 21 сентября 1732 года, при разобрании опустившегося помоста в церкви Зачатия Богоматери обретенны были нетленными его святые мощи в согнившем гробе, равно как и святительская его одежда, и от них, как от благодатного источника, начали истекать исцеления одержимых различными болезнями: слепые прозревали, немые говорили, расслабленные двигались, и бесы изгонялись молитвами, совершавшимися при святых мощах. Внимая этим ясным указаниям Божественного Промысла, Святейший Синод по свидетельствовании святых мощей и бывших чудес причислил святителя Димитрия к лику новоявленных чудотворцев Российских 22 апреля 1757 года. Преемнику его по кафедре Ростовской, митрополиту Арсению, поручено было составить жизнеописание святого, а службу ему написал Амвросий, епископ Переяславский, впоследствии архиепископ первопрестольной столицы, где мученически окончил дни свои. В следующем году благочестивая императрица Елизавета по усердию к святителю устроила для мощей его серебряную раку, а в 1763 году императрица Екатерина после своего царского венчания пешком совершила путешествие из Москвы в Ростов

для поклонения мощам святого Димитрия и переложения их в приготовленную раку, которую сама несла вместе с архиереями при торжественном обхождении храма: такая царственная почестъ была опять воздана угоднику Божию.

Совершаются и до сих пор благодатные исцеления при мощах святителя, над которыми, уже в наше время, 40 лет неусыпно бодрствовал другой подвижник, гробовой старец иеромонах Амфилохий, оставивший по себе благую память и возлегший как бы на страже у порога церковного того храма, где покоятся мощи святителя (там же в преддверии почивает и его благочестивый племянник архимандрит Иннокентий, долго бывший настоятелем Яковлевской обители). Прославим Господа, по неизреченной Своей милости проявившего столько благочестия уже во дни наши, в смиренном городе Ростове, и прославившего там многими чудесами нового великого светильника Российской земли, который является скорым помощником для призывающих его святое имя. Молитвами этого великого православия ревнителя и искоренителя расколов, целбника Российского и цевницы духовной, уцеломудряющей всех своими писаниями, да сподобимся и мы быть написанными в книге жизни Агнца Божия вместе со всеми от века ему уго-

дившими, к лику коих причислен и святитель Ростовский Димитрий.

С 10 ноября 1991 г. честные мощи святителя Димитрия пребывают в Яковлевском храме, справа от царских врат. У гробницы святителя вновь возносится ему теплая и смиренная молитва: «О всеблаженне святителю Дмитрие...».